

Дмитрий
Мережковский

ХРИСТОС
И АНТИХРИСТ
II

ВОСКРЕСШИЕ БОГИ
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Христос и Антихрист П. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи/ Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 544 с. — (Модное чтиво).

ISBN 978-5-521-77925-3

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

Знаменитая трилогия «Христос и Антихрист», включающая романы «Смерть Богов. Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Пётр и Алексей» принесла автору мировую славу.

Второй роман трилогии переносит читателя в удивительную эпоху Возрождения — времена серьёзных противоречий между суровым Средневековьем и новым мировоззрением, в центре которого находится неповторимая личность человека.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ КНИГА. БЕЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА	5
ВТОРАЯ КНИГА. ЕССЕ DEUS – ЕССЕ НОМО	35
ТРЕТЬЯ КНИГА. ЯДОВИТЫЕ ПЛОДЫ	55
ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА. ШАБАШ ВЕДЬМ	80
ПЯТАЯ КНИГА. ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ	99
ШЕСТАЯ КНИГА. ДНЕВНИК ДЖОВАННИ БЕЛЬТРАФФИО ...	122
СЕДЬМАЯ КНИГА. СОЖЖЕНИЕ СУЕТ	153
ВОСЬМАЯ КНИГА. ЗОЛОТОЙ ВЕК	177
ДЕВЯТАЯ КНИГА. ДВОЙНИКИ	216
ДЕСЯТАЯ КНИГА. ТИХИЕ ВОЛНЫ	266
ОДИННАДЦАТАЯ КНИГА. БУДУТ КРЫЛЬЯ	304
ДВЕНАДЦАТАЯ КНИГА. ИЛИ ЦЕЗАРЬ – ИЛИ НИЧТО	329
ТРИНАДЦАТАЯ КНИГА. БАГРЯНЫЙ ЗВЕРЬ	373
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КНИГА. МОНА ЛИЗА ДЖОКОНДА	403
ПЯТНАДЦАТАЯ КНИГА. СВЯТЕЙШАЯ ИНКВИЗИЦИЯ	436
ШЕСТНАДЦАТАЯ КНИГА. ЛЕОНАРДО, МИКЕЛАНДЖЕЛО И РАФАЭЛЬ	463
СЕМНАДЦАТАЯ КНИГА. СМЕРТЬ – КРЫЛАТЫЙ ПРЕДТЕЧА	488

Первая книга БЕЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА

Во Флоренции, рядом с каноникой Орсанмикеле, находились товарные склады цеха красильщиков.

Неуклюжие пристройки, клетки, неровные выступы на косых деревянных подпорах лепились к домам, сходясь вверху черепичными кровлями так близко, что от неба оставалась лишь узкая щель, и на улице, даже днем, было темно. У входа в лавки висели на перекладинах образчики тканей заграничной шерсти, крашенной во Флоренции. В канаве посередине улицы, мощенной плоскими камнями, струились разноцветные жидкости, выливаемые из красильных чанов. Над дверями главных складов — фондаков виднелись щиты с гербом Калималы, цеха красильщиков: в алом поле золотой орел на круглом тюке белой шерсти.

В одном из фондаков сидел, окруженный торговыми записями и толстыми счетными книгами, богатый флорентийский купец, консул благородного искусства Калималы — мессер Чиприано Буонакорзи.

В холодном свете мартовского дня, в дыхании сырости, веявшей из подвалов, загроможденных товарами, старик зяб и кутался в облезлую беличью шубу с истертыми локтями. Гусиное перо торчало у него за ухом, и слабыми, близорукими, но всевидящими глазами он просматривал, как будто небрежно, на самом деле внимательно, пергаментные листки громадной счетной книги, страницы, разделенные продольными и поперечными графами; справа «дать», слева — «иметь». Записи товаров сделаны были ровным круглым почерком, без прописных букв, без точек и запятых, с цифрами римскими, отнюдь не арабскими, считавшимися легкомысленным новшеством, непристойным для деловых книг. На первой странице было написано большими буквами: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа и Приснодевы Марии счетная книга сия начинается лета от Рождества Христова тысяча четыреста девяносто четвертого».

Окончив просмотр последних записей и тщательно исправив ошибку в числе принятых под залог шерстяного товара латтов продолговатого стручкового перцу, меккского имбирю и вязок корицы, мессер Чиприано с усталым видом откинулся на спинку стула, закрыл глаза и начал обдумывать деловое письмо, которое предстояло ему послать главному приказчику на суконную ярмарку во Франции, в Монпелье.

Кто-то вошел в лавку. Старик открыл глаза и увидел своего мызника, поселянина Грилло, который снимал у него пахотную землю и виноградники на подгорной вилле Сан-Джервазио, в долине Муньоне.

Грилло кланялся, держа в руках корзину с яйцами, старательно переложенными соломой. У пояса его болтались два живых молоденьких петушка на связанных лапках, хохолками вниз.

— А, Грилло! — молвил Буонаккорзи со свойственной ему любезностью, одинаковой в обращении с малыми и великими. — Как Господь милует? Кажется, нынче весна дружная?

— Нам, старикам, мессере Чиприано, и весна не в радость: кости ноют — в могилу просятся.

— Вот к Светлому празднику, — прибавил он, помолчав, — яичек да петушков вашей милости принес.

Грилло с хитрой ласковостью шурил свои зеленоватые глазки, собирая вокруг них мелкие загорелые морщины, какие бывают у людей, привыкших к солнцу и ветру.

Буонаккорзи, поблагодарив старика, начал расспрашивать о делах.

— Ну, что, готовы ли работники на мызе? Успеем ли кончить до свету?

Грилло тяжело вздохнул и задумался, опираясь на палку, которую держал в руках.

— Все готово, и работников довольно. Только вот что я вам доложу, мессере: не лучше ли подождать?

— Ты же сам, старик, намерен говорить, что ждать нельзя, — может кто-нибудь раньше догадаться.

— Так-то оно так, а все-таки страшно. Грех! Дни нынче святые, постные, а дело наше неладное...

— Ну, грех я на свою душу беру. Не бойся, я тебя не выдам. Только найдем ли что-нибудь?

— Как не найти! На то приметы есть. Отцы и деды знали о холме за мельницей у Мокрой Лошины. По ночам на Сан-Джиованни огоньки бегают. И то сказать: у нас этой дряни всюду много. Вот, говорят, недавно, как рыли колодец в винограднике у Мариньолы, целого черта вытащили из глины...

— Что ты говоришь? Какого черта?

— Медного, с рогами. Ноги шершавые, козлиные, — на концах копыта. А рыльце забавное, — точно смеется; на одной ноге пляшет, пальцами прищелкивает. От старости весь позеленел, замшился.

— Что же с ним сделали?

— Колокол отлили для новой часовни Архангела Михаила.

Мессер Чиприано едва не рассердился:

— Зачем же ты об этом раньше не сказал мне, Грилло?

— Вы в Сиену по делам уезжали.

— Ну, написал бы. Я бы прислал кого-нибудь. Сам приехал бы, никаких денег не пожалел бы, десять колоколов отлил бы им. Дураки! Колокол — из пляшущего Фавна, — быть может, древнего эллинского ваятеля Скопаса...

— Да, уж подлинно — дураки. Только не извольте гневаться, мессер Чиприано. Они и так наказаны: с тех пор, как новый колокол повесили, два года червь в садах яблоки и вишни ест, да на оливы неурожай. И голос у колокола нехороший.

— Почему же нехороший?

— Как вам сказать? Настоящего звука нет. Сердца христианского не радует. Так что-то болтает без толку. Дело известное: какой же из черта колокол! Не во гнев будь сказано вашей милости, мессере, священник-то, пожалуй, прав: из всей этой нечисти, что выкапывают, ничего доброго не выходит. Тут надо вести дело с осторожностью, с оглядкою. Крестом и молитвою ограждаться, ибо силен дьявол и хитер, собачий сын, — в одно ухо влезет, в другое вылезет! Вот хотя бы с этой мраморной рукой, что в прошлом году Дзакелло у Мельничного Холма вырыл, — попутал нас нечистый, нажили мы с ней беды, не дай Бог, — и вспомнить страшно.

— Расскажи-ка, Грилло, как ты нашел ее?

— Дело было осенью, накануне св. Мартина. Сели мы ужинать, и только что хозяйка поставила на стол тюрю из хлеба, — вбегает в горницу работник, кумов племянник, его оставил, у Мельничного Холма, оливковую корчагу выворачивать, — коноплею то место хотел засеять. «Хозяин, а хозяин!» — допочет Дзакелло, и лица на нем нет: весь трясется, зуб на зуб не попадает. «Господь с тобой, малый!» — «Недоброе, — говорит, — в поле творится: покойник из-под корчаги вылезает. Если не верите, пойдите, сами посмотрите». Взяли мы фонари и пошли.

Стемнело. Месяц встал из-за роши. Видим — корчага; рядом земля разрыта, и что-то в ней белеет. Наклонился, смотрю — рука из земли торчит, белая и пальцы красивые, тонкие, как у девушек городских. «Ах, пострел тебя возьми, — думаю, — это что за чертовщина?» Опустил фонарь в яму, чтобы лучше рассмотреть, а рука-то зашевелилась, пальчиками манит. Тут уж я не стерпел, закричал, ноги подкосились. А мона Бонда, бабушка, — она у нас знахарка и повитуха, бодрая, хоть и древняя старушка: «Чего вы все испугались, дураки, — говорит, — разве не видите — рука

не живая и не мертвая, а каменная». Ухватилась, дернула и вытащила из земли, как репу. Повыше кисти в суставе рука была сломана. «Бабушка, — кричу, — ой, бабушка, оставь, не тронь, зароем поскорее в землю, а то как бы беды не нажить». — «Нет, — говорит, — так не ладно, а надо сначала в церковь священнику отнести, пусть он заклятие прочтет». Обманула меня старуха: священнику руки не отнесла, а в свой ларь в углу спрятала, где у нее всякая рухлядь — тряпочки, мази, травы и ладанки. Я бранился, чтобы руку отдала, но мона Бонда заупрямилась. И стала с тех пор бабушка чудесные творить исцеления. Заболят ли у кого зубы — идольской рукой прикоснется к щеке, и опухоль опадет. От лихорадки, от живота, от падучей помогала. Ежели корова мучится, не может отелиться, бабушка ей на брюхо каменную руку положит, корова замычит, и смотришь — теленок уже в соломе копошится.

Молва по окрестным селениям пошла. Много денег в то время набрала старуха. Только проку не вышло. Священник, отец Фаустино, не давал мне спуска: в церковь пойду — он меня на проповеди при всех укоряет. Сыном погибели называл, слугою дьявола, епископу грозил пожаловаться, Св. Причастия лишить. Мальчишки за мною по улице бегали, пальцами указывали: «Вот идет Грилло, сам Грилло колдун, а бабушка у него ведьма, оба душу черту продали». Верите ли, даже по ночам не было покоя: все мраморная рука мерещится, будто бы подбирается, тихонько за шею берет, точно ласкает, пальцы холодные, длинные, а потом как вдруг схватит, стиснет горло, начнет душить, — хочу крикнуть и не могу.

Э, думаю, шутки-то плохи. Встал я раз до свету, и как бабушка на лугу по росе пошла травы собирать, выломал замок у ларя, взял руку и вам отнес. Хотя старьевщик Лотто десять сольдов давал, а от вас получил я только восемь, ну, да для вашей милости мы не то что двух сольди, а живота своего не пожалеем, — пошли вам Господь всякого благоверения, и мадонне Анжелике, и деткам, и внукам вашим.

— Да, судя по всему, что ты рассказываешь, Грилло, мы что-нибудь найдем в Мельничном Холме, — произнес мессер Чиприано в раздумьи.

— Найти-то найдем, — продолжал старик, опять тяжело вздохнув, — только вот как бы отец Фаустино не пронюхал. Ежели узнает — расчислет он мне голову без гребня так, что не поздоровится, да и вам помешает: народ взбунтует, работы кончить не даст. Ну, да Бог милостив. Только уж и вы меня не оставьте, благодетель, замолвите словечко у судьбы.

— Это насчет того куска земли, который у тебя мельник хочет оттягать?

— Точно так, мессере. Мельник — жила и пройдоха. Знает, где у черта хвост. Я, видите ли, телку судьбе подарил, и он ему — телку, да стель-

ную. Во время тяжбы она возьми и отелись. Перехитрил меня, плут. Вот я и боюсь, как бы судья не решил в его пользу, потому что телка-то бычком отелилась на грех. Уж заступитесь, отец родной! Я ведь это только для вашей милости — Мельничным Холмом стараюсь, — ни для кого такого греха на душу не взял бы...

— Будь покоен, Грилло. Судья — мой приятель, и я за тебя похлопочу. А теперь ступай. На кухне тебя накормят и вином угостят. Сегодня ночью мы вместе едем в Сан-Джервазио.

Старик, низко кланяясь, поблагодарил и ушел, а мессер Чиприано удалился в свою маленькую рабочую комнату, рядом с лавкой, куда никто не имел позволения входить.

Здесь, как в музее, расставлены и развешаны были по стенам мраморы и бронзы. Древние монеты и медали красовались на досках, обшитых сукном. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали в ящиках. Через свои многочисленные торговые конторы выписывал он древности отовсюду, где можно было их найти: из Афин, Смирны и Галикарнасса, с Кипра, Левкозии и Родоса, из глубины Египта и Малой Азии.

Оглянув сокровища свои, консул Калималы снова погрузился в строгие, важные мысли о таможенном налоге на шерсть и, все окончательно обдумав, стал сочинять письмо доверенному в Монпелье.

В это время, в глубине склада, где тюки товара, наваленные до потолка, и днем освещались только лампадою, мерцавшею перед Мадонной, беседовали трое молодых людей: Доффо, Антонио и Джованни. Доффо, приказчик мессера Буонаккорзи, с рыжими волосами, курносый и добродушно-веселый, записывал в книгу число локтей смиренного сукна. Антонио да Винчи, старообразный юноша, со стеклянными рыбьими глазами, с упрямо торчавшими космами жидких черных волос, проворно мерил ткань флорентийскою мерою — канною. Джованни Бельтраффио, ученик живописи, приехавший из Милана, юноша лет девятнадцати, робкий и застенчивый, с большими, невинными и печальными, серыми глазами, с нерешительным выражением лица, сидел на готовом тюке, закинув ногу на ногу, и внимательно слушал.

— Вот до чего, братцы, дожили, — говорил Антонио тихо и злобно, — языческих богов из земли стали выкапывать!

— Шотландской шерсти с ворсом, коричневого — тридцать два локтя, шесть пяденей, восемь ончий, — прибавил он, обращаясь к Доффо, и тот записал в товарную книгу. Потом, свернув смиренный кусок, Антонио бросил его сердито, но ловко, так что он попал как раз туда, куда нужно, и, подняв указательный палец с пророческим видом, подражая

брату Джироламо Савонароле, воскликнул: — *Gladius Dei super terrain cito et velociter!*¹ Св. Иоанну на Патмосе было видение: ангел взял дракона, змия древнего, который есть дьявол, и сковал его на тысячу лет, и низверг в бездну, и заключил, и положил над ним печать, дабы не прельщал народы, доколе не кончится тысяча лет, время и полвремени. Ныне сатана освобождается из темницы. Окончилась тысяча лет. Ложные боги, предтечи и слуги Антихриста, выходят из земли, из-под печати ангела, дабы обольщать народы. Горе живущим на земле и на море!.. — Желтого, брабантской шерсти, гладкого — семнадцать локтей, четыре пядени, девять ончий. — Как же вы разумеете, Антонио, — произнес Джованни с боязливым и жадным любопытством, — все эти знамения свидетельствуют?..

— Да, да. Не иначе. Бодрствуйте! Время близко. И теперь уже не только древних богов выкапывают, но и новых творят наподобие древних. Нынешние ваятели и живописцы служат Молоху, то есть дьяволу. Из церкви Господней делают храм сатаны. На иконах, под видом мучеников и святых, нечистых богов изображают, коим поклоняются: вместо Иоанна Предтечи — Вакха, вместо Матери Божьей — блудницу Венеру. Сжечь бы такие картины и по ветру пепел развеять!

В тусклых глазах благочестивого приказчика вспыхнул зловеющий огонь.

Джованни молчал, не смея возражать, с беспомощным усилием мысли сжимая свои тонкие детские брови.

— Антонио, — молвил он, наконец, — слышал я, будто бы ваш двоюродный брат, мессер Леонардо да Винчи, принимает иногда учеников в свою мастерскую. Я давно хотел...

— Если хочешь, — перебил его Антонио, нахмурившись, — если хочешь, Джованни, погубить душу свою ступай к мессеру Леонардо.

— Как? Почему?

— Хотя он и брат мне, и старше меня на двадцать лет, но в Писании сказано: еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся. Мессер Леонардо — еретик и безбожник. Ум его омрачен сатанинскою гордостью. Посредством математики и черной магии мыслит он проникнуть в тайны природы...

И, подняв глаза к небу, привел он слова Савонаролы из последней проповеди:

¹ Меч Господень на земле действует быстро и скоро! (лат.)